

Раздел I. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Н Ф Алефиренко
г Белгород, Россия

ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ФРАЗЕМИКИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Сложность перевода фраземики, особенно образной, обуславливается, прежде всего, этнокультурными свойствами образного речепорождения. В связи с этим при переводе фразем следует учитывать *дискурсивные условия* порождения художественного текста. Под дискурсом понимается речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др факторами, что, собственно, и делает его «привлекательным» и многообещающим для осмысления когнитивно-поэтических стимулов для адекватного перевода фраземосодержащего контекста. В таком понимании дискурс обретает свои категориальные черты: а) как коммуникативное событие – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование, в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), дискурс следует рассматривать как феномен речемыслительной деятельности, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты концептосферы текста, г) как «речь, погруженная в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова], преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию дискурс становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», проецирующим выбор, характер употребления и модель перевода фраземосодержащего контекста. Дискурс как сложное *коммуникативно-когнитивное явление* в свой состав включает не только сам текст но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания переводимого текста и порождения текста переводного. Для переводчика, ориентированного на всеобъемлющий охват дискурса, важно помнить, что высказывание является лишь наименьшим речевым элементом дискурса, за которым тянется не менее важный шлейф его внеязыковых составляющих – излагаемые события, участники этих событий и обстоятельства, сопровождающие их.

В силу этого из 8-ми основных моделей¹ перевода к когнитивно-прагматической теории переводу фразем применимы 4 модели

- 1 Перевод как межъязыковой перенос (Лепцигская школа – Вилсс)
- 2 Прагматическая модель (Теория реч. актов – Сирл)
- 3 Функциональная модель (Перевод как акт межкультурной коммуникации Рейс-Вермеер)
- 4 Герменевтическая модель

¹ Кроме названных существуют *Текстолингвистическая* модель (Пражская школа \функциональный фокус предложения Гарвег \формальная и семантическая когезия текста\ и др.) *Функциональная* модель (Перевод как акт межкультурной коммуникации Рейс-Вермеер «Grundlegung einer Translationstheorie» 1984) *Циркуляционная* модель Норд *Психолингвистическая* модель (Крингс Вилсс – Соотношения когнитивного и интуитивного Переводческая компетенция и ментальные процессы – Хениг)

Мы исходим из одного из базовых положений герменевтики *культура понимания фразеомоцентрического текста – это культура интерпретации*

Для интерпретации национального своеобразия фраземосодержащего дискурса переводчику необходимо владеть культурой в широком ее понимании. Это означает, что в светлой зоне его этноязыкового сознания должен находиться не только язык с подводными рифами его идиоматики, но и нравы, обычаи, характер одежды, тип поколений, религия, этикет, семейные отношения, традиционный быт семьи, особенности национальной психологии и многое другое. В идиоматике романа П. Загребельного «Роксолана» находят отражение все основные особенности исторического развития украинского народа в XVII веке: его характер, традиции, социальное устройство, национальная культура и т.д.

Спору нет, национально-культурные особенности проявляются практически на всех уровнях языка, но особенно ярко они отражаются на его идиоматике. Идиоматика украинского языка рассматривается как средоточие культурологических фоновых знаний. В романе П. Загребельного «Роксолана» она показывает исключительную свою способность к накоплению внеязыковой информации. Через идиоматику, через вскрытие «внутреннего образа» фраземы можно показать многие стороны жизни украинского народа и через его восприятие ментальность османской Турции. Понимание смыслового содержания фраземы особенно важно как для переводчика, так и для русского читателя, пытающегося постичь традиционную украинскую культуру. Адекватный перевод украинской идиоматики с точки зрения ее когнитивно-культурного содержания позволяет познакомить читателя с фоновыми знаниями, приблизить их к пониманию национально-психологических особенностей украинского народа.

В связи с этим для практической транслатологии важно то, что при переводе фразеомоцентрических контекстов во фразеологическом значении оказывается более существенным не столько его денотативно-сигнификативный аспект, сколько различного рода коннотации, оценки, эмоции, экспрессии и образы.

Из всего многообразия нюансов перевода украинской идиоматики романа П. Загребельного «Роксолана» можно выделить два основных способа.

1-й способ перевода вытекает из онтологической сущности этнокультурной семантики ФЕ. Чтобы адекватно перевести фразему и содержание актуализирующего ее дискурса, необходимо помнить, что идиомы отражают национальную культуру своими **прототипами**, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое [Фелицына, Мокиенко 1990: 4]. Причем для адекватного перевода текста актуализировать не только прототип фраземы, но и полностью **прототипную дискурсивную ситуацию**, под которой мы понимаем совокупность речемыслительных объектов и связей между ними, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании.

При осмыслении фраземы сначала возникает некая прототипная дискурсивная ситуация, соответствующая буквальному (прямому) значению фраземы, за которой закрепляется содержание, которое затем переосмысливается. Поэтому фразеологический образ оформляется на базе первичных значений слов в прототипной дискурсивной ситуации. Так, автор «Роксоланы», учитывая прототипную дискурсивную ситуацию, по-разному использует фразему *огнем и мечом*. Описывая жестокость османов на Балканах, употребляется узуальная форма фраземы: *Ср Переправившись через Саву й затишивши на річці з незначною охороною судна пішли з вогнем і мечем по беззахисній землі пюндруючи виноградники палячи недопалене грабуючи недограбо-*

ване, убиваючи все живе, що траплялося на шляху (с 126) В русском переводе дается полный эквивалент *пошли с огнем и мечом* в его узואальном значении «беспощадно, с невиданной жестокостью» Ср *Переправившись через Саву и оставив на реке с незначительной охраной суда, они пошли с огнем и мечом по беззащитной равнине, разоряя виноградники, сжигая недосожженное, грабя недограбленное, убивая все живое что только попадалось на их пути* (с 173) Однако в другом дискурсивном акте автор видоизменяет эту фразему, приспособляя ее к нему не только путем замены второго именной словоформы *огнем* на словоформу *огнем*, но расширяя внешнюю синтагматику Ср *Ждала відомщення за грехопадіння, за пагубу, за чиєсь страждання, бо їй страждання тепер уже ніхто не помітить, вони зникли, забулися, довкола запанували заздрість і ненависть, і нікому немає діла до того, як болісно-оготена її душа, голоси з такою жорстокістю домагаються помсти і карі, так ніби то з її вини рушається царства і гідь розповзається по землі, заливає простори, вогнем і кров'ю значаться часи* (с 219) Переводчик счел целесообразным для данного дискурса иное расширение *огнем и кровью* покоряя времена Ср *Ждала отмищения за грехопадение, за чьи-то страдания, ибо ее страданий теперь уже никто не увидит – они исчезли, забылись, вокруг воцарилась зависть и ненависть И никому нет дела до ее болезненно обнаженной души, неведомые голоса, которые с яркой жестокостью добивались мести и кары, считали, будто по ее вине рушатся царства и по ее вине преступление расплзается по земле, заполняя просторы **огнем и кровью покоряя времена*** (с 236) Авторский окказионализм *вогнем і кров'ю значаться часи* в данном дискурсе несет иной смысл – «эпоха смертельной жестокости» Действительно османское иго на Балканах продлилось более трех веков В русском переводе сделан акцент на «военном порабощении» *огнем и кровью покоряя времена*

Именно прототипная дискурсивная ситуация оставляет во фразеомобразующем концепте нужную для автора информацию Так возникает внутренняя форма фразеомобразующего концепта, в которой и заключается основная информация, связанная с культурой [о внутренней форме фраземы см Гак 1977, о внутренней форме концепта¹ см Степанов 1997 47]

2-й способ перевода – интерпретация внутренней формы концепта через раскрытие внутренней формы идиомы, поскольку именно в ней содержится основная информация, связанная с культурным компонентом значения При этом нужно помнить, что культурная информация накапливается в речевых образованиях, прежде всего в фольклорных афоризмах, пословицах, поговорках, фраземах [см Телия 1996 220] В связи с этим переводчик может извлекать содержание культурной коннотации идиомы двумя способами, соответствующим двум аспектам ее хранения 1) либо через денотативный аспект фразеологического прототипа, 2) либо через образное основание идиомы и связанные с ним коннотации

1 Через денотативный аспект фразеологического прототипа *Згадалися слова з книги, яка тепер пересидувала її щокроку й щомиті* (с 237) *2 Вспомнились слова из книги, которая теперь преследовала ее каждый миг и на каждом шагу* (с 254) Сохранение фразеологической коннотации через прототипный дискурс потребовал нефразеологического перевода украинской фраземы *щокроку й щомиті* описательно – (преследовала ее) *каждый миг и на каждом шагу* Еще примеры слухом земля полнится – чутка йде (поголос іде) по всьому світу, у свинячий голос – слишком поздно, держать ушки на макушке – бітьочень внимательним, осмотрительним

¹ Буквальный смысл народных обрядов поверии, обычаев – основы концепта (Ю С Степанов)

2 **Через образное основание** *Чорні чутки* вирували довколо Роксолани тизо-блюди дармоїди такизи й ошуканці купалися в тих чутках як у райських риках задоволення сама тільки сутанша нічого того не чула й не знала забула й про сутана і про підступну челядь і про своє (с 252) Ср рус **Черные слухи** бурлили вокруг Роксоланы блюдолизы дармоеды пристужники и обманщики купались в этих слухах как в райских реках удовольствия одна тишь сутанша ничего этого не слышала не знала забыла и о сутане и о коварной челяди и о себе (с 270) В данном случае когнитивно-дискурсивная коннотация исходной фраземы сохраняется благодаря наличию в переводе той же метафоры **черные** (чутки // слухи) Благодаря прилагательному **черный** в составе фраземы определяемый воспринимается как 'преступный, злой, дурной, губительный, изнуряющий, связанный с нечистой силой, чародейский, колдовской'

Оба способа извлечения культурной коннотации идиомы подчинены идиостилю автора текста-оригинала Интерпретируя идиомы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипом, отражающими народный менталитет, переводчик тем самым получает возможность раскрыть смысл этнокультурной коннотации ФЕ [см Телия 1996 223] При этом переводчик должен помнить о крайне важной особенности предмета перевода идиомы, образованные в глубокой древности, имеют двойную связь с культурой во-первых, сама их внешняя форма – это уже язык культуры, а во-вторых, – этот образ осознается и интерпретируется носителями данного языка, в соответствии с их культурной компетенцией Поэтому при переводе нужны такие отсылки и комментарии, которые бы могли «погрузить» читателя в соответствующий микрофрагмент постигаемой им лингвокультуры Чтобы достичь столь непростой цели, нужно определиться с пониманием того, как осуществляется связь (языка) фраземы с этнокультурой Как известно, существуют разные подходы к ее пониманию

Мы исходим из того, что если идиома обладает культурно-национальной спецификой, то она должна иметь свое средство воплощения, свою знаковую организацию и свой способ указания на нее в переводном тексте **Средством** воплощения этнокультурной специфики идиом служат образы культурно-маркированных денотатов, а **способом** указания на эту специфику служит контекстуальная интерпретация денотативного образа Именно через интерпретацию раскрывается содержание культурной коннотации фразем Такая интерпретация носит, разумеется, ретроспективный характер Тем самым в центре этнолингвистического подхода к переводу фразем оказывается категория этноса, реконструкция его культуры по данным сохранившихся в идиоматике народных традиций, обычаев и ритуалов Их осмысление, собственно, и позволяет извлекать ценностно-смысловую (культурную) коннотацию»

Проблема перевода идиоматики, прежде всего, порождается особенностью фразем они возникают в языке в связи с необходимостью использовать в речи средства косвенно-производной экспликации интенционально значимых коннотаций эмоционально-экспрессивного отношения говорящего к событиям, ощущениям и ситуациям, которые тесно связаны с самим человеком, с поведением людей в обществе, с отношениями между людьми

Обычно коннотация фраземы определяется как его эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска узуального илиokkaзионального характера В транслятологии это любой компонент, который **дополняет** предметно-понятийное (или денотативное) фраземы или придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием, с эмоциональным или ценностным отношением, со стилистическими регистрами Та-

ким образом, идиоматика, в отличие от слов, прямо отражает **КОГНИТИВНУЮ** деятельность членов языкового коллектива, основанную на наивном представлении о мире носителей языка, на их отношении друг к другу, к тому, что происходит с ними в этом мире

Сопоставляя идиоматику украинского и русского языков в романе Павла Загребельного «Роксолана», в глаза бросается общность многих дискурсивных актов и ситуаций, нашедших свое выражение в идиомах. Вместе с тем, очевидны возможности каждого близкородственного языка находить свои фразеологические или иные средства для их обозначения. Ср. укр. *вибивати* (османские отряды) *на пеня* и рус. *выбивать под корень, ставити мости* и *наводити мости*. Уклонение переводчика от узуральной сочетаемости *рубить под корень* явно осуществлен под воздействием дискурсивной ситуации оригинала – *вбивати* (османские отряды) *на пеня*. Речь в данном контексте идет о **поражении** турков. Особенности фразеологической номинации проявляются и в переводе следующей фраземы *ставити мости на ріках // наводити мости на реках*. Глагольные компоненты отображают этноязыковую специфику в сочетаемости фразеологических компонентов. Полными фразеологическими эквивалентами выступают лишь фраземы *пробив собі дорогу* и *пробила себе дорогу*, различаясь, правда, грамматическим контекстом: в украинском языке *супровід* (Сулейманів) – муж рода, а в русском – *свита* (Сулеймана) – женского.

Идиоматика близкородственных языков, обнаруживая общее и специфическое в языковых картинах мира двух народов, позволяет адекватно передать в языке перевода анализируемого романа внутреннюю форму идиом украинского языка, погрузить русского читателя в украинскую народную мифологию, состоящую из множества микромифов, микропритч, микроанекдотов, микротрагедий. Такие идиомы передаются из поколения в поколение без изменений, сохраняя свой лингвокультурологический остов. Не случайно считается, что идиома – это «код культуры», в котором нередко зашифрован целый сюжет. В то же время идиома достаточно мобильный и компактный знак с весьма высоким текстообразующим потенциалом. Поэтому перевод фраземы в художественном тексте должен учитывать и это ее свойство.

При переводе украинской фраземы на русский язык переводчику требовалось, прежде всего, передать ее смысл и отразить ее образность, найдя аналогичное выражение в русском языке и не упустив при этом из виду «когнитивно-прагматический аромат» украинской фраземы. При отсутствии в русском языке идентичного образа переводчик вынужден был прибегать к поиску «приблизительного соответствия», поскольку сама эквивалентность перевода – явление спорное.

Совпадение **полных русских эквивалентов** с украинскими по лексическому составу и грамматической структуре позволяют в полном объеме передать не только значение, но и образность переводимой фраземы, ее стилистическую окраску. Ср. укр. *вітер у кишенях // ветер в карманах намагався наповнювати не кишені а голову й серце // старался напхати не карманы, а голову и сердце, обходився власною головою // обходился собственной головой кидав слова (голодранцям) // бросал слова (голодранцам), впадають у розпач // впадают в отчаянье*. И все же дословный перевод вообще и тем более фраземосодержащего контекста не может отразить смысловую глубину переводимого. Ведь в таких фрагментах не только запечатлена народная мудрость, представлены наиболее переживаемые моменты в ценностной картине мира этноса – в них в афористичной форме содержится сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей, а также о внутреннем мире человека.

Видимо, поэтому в этом же переводном отрывке не менее активно используют-

ся и **частичные фразеологические эквиваленты**, что отнюдь не приводит к ущербности русского перевода, поскольку сохраняются значение и образность украинской фраземы. Ср.: *бракує вашого розуму і вашого впливу // не хватає именно вашого ума и вашего впливня*. Для передачи когнитивно-прагматической ауры дискурса, переводчику важно сохранить, прежде всего, образ фраземы, а не её компонентную структуру

Особенности дискурса могут побудить переводчика отказаться в переводе от применения прямого фразеологического соответствия и поиску оптимального варианта перевода для данной конкретной дискурсивно-прагматической ситуации. Такой вариант перевода можно назвать дискурсивно-прагматической аккомодацией. Характер дискурсивно-прагматической аккомодации целиком зависит от особенностей дискурса. Это требует от переводчика каждый раз нестандартного творческого решения. Тем не менее, имеющиеся переводческие приёмы, используемые для дискурсивно-прагматической адаптации фраземосодержащего контекста, обычно сводят к шести приёмам: 1) приёму конкретизации мысли; 2) приёму смыслового развития; 3) приёму антонимического перевода, 4) приёму смысловой компенсации; 5) приёму генерализации; 6) приёму целостного переосмысления. В русском переводе «Роксоланы» преобладают первые два приёма: (а) конкретизации – замена лексического компонента фраземы украинского языка с более широким значением словом русского языка с более узким значением и (б) приём смыслового развития

Как видим, одного знания кодовой идиоматики текста-оригинала для художественного перевода недостаточно. Переводчику необходимо умение интерпретировать фразеологическую игру слов, обладать чувством языковой формы, способностью адекватно передавать смысловое содержание фраземообразующего концепта. Поскольку воплотить эти качества чрезвычайно сложно, одни переводчики считают важным адаптацию перевода фразем к родному языку и менталитету читателей переводного текста, другие переводчики считают, что важнее сохранить этнокультурную суть фраземы, отражающую национальный колорит оригинального текста, приучая своего читателя воспринимать иную культуру. И в первом, и во втором случаях художественный перевод фраземосодержащего контекста требует полного раскрытия творческой индивидуальности переводчика, но с одной оговоркой. она не должна заслонять идиостилистику и своеобразие художественного мышления автора оригинала.

Список литературы

- 1 Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, Н. Б. Корина – Нитра, 2011 – 231 с
- 2 Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций [Текст] / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы – М.: Наука, 1977 – С. 230–293
- 3 Дехнич, О. В. Коммуникативно-прагматический аспект в функционировании библеизмов в русском и английском языках [Текст] / О. В. Дехнич // Славянская фразеология и прагматика (Хорватия, остров Раб, 17 – 19 сентября 2006) – Загреб, 2007 – С. 311–314
- 4 Загребельный, П. А. Роксолана роман [Текст] / П. А. Загребельный – Харьков: Школа, 2006 – 607 с
- 5 Загребельный, П. А. Роксолана Исторический роман Книга 1 Вознесение [Текст] / П. А. Загребельный, пер. с укр. И. З. Новосельцевой – Кишинев: Лит. артистикэ, 1984 – 141 с
- 6 Загребельный, П. А. Роксолана Исторический роман Книга 2 Страсти [Текст] / П. А. Загребельный, пер. с укр. И. Ф. Карабутенко – Кишинев: Лит. артистикэ, 1984 – 101 с
- 7 Ключанов, И. Э. Language, culture, semiotics. Translation studies at the turn of the century [Текст] / И. Э. Ключанов // Преводна книжевност – Белград: Слог, 2002 – С. 434–437
- 8 Степанов, Ю. С. Константы [Текст] · словарь рус. культуры / Ю. С. Степанов – М., 1997 – 824 с.

9 Телия, В Н Русская фразеология семант, прагмат и лингвокультурол аспекты [Текст] / В Н Телия М «Яз рус культуры», 1996 284 с (Язык Семиотика культура)

10 Фелицына В П Русские фразеологизмы лингвострановедческий словарь [Текст] / В П Фелицына, В М Мокиенко – М Русский язык, 1990 220 с

11 Spaginska Pruszk, A Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwatskiej (z problemow jezykowego obrazu swiata) [Tekst] / A Spaginska Pruszk Gdansk Wyd-wo uniwersitetu Gdanskiego, 2003 303 s

Н Ф Алефиренко, Е Г Озерова
г Белгород, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Тексты лирической прозы как яркого лингвопоэтического явления все еще остаются сложнейшей проблемой переводоведения. Причиной тому выступает сложная гармония эксплицитного и имплицитного в изобразительно-выразительной архитектонике лирикопрозаического текста. Переводчику непросто передавать необычайно лиричные, словно на исповеди раскрытые, сокровенные тайники человеческой души. В поисках интерпретационной разгадки к проникновению словесного творчества, прежде всего, следует понять стимулы обращения к нему автора текста, побудившие к созданию некоторого «сверхсмысла» (Д С Лихачев), принципу универсализации, заменяющему устоявшийся классический принцип реалистической типизации (Е Б Скороспелова), и к отображению строя мифического мышления (В Шмид).

Для разработки принципов перевода лирикопрозаических текстов поучителен опыт А П Чехова – мастера создания лирической прозы. Так, в повести «Степь» сознательно создается установка на *воспоминание* как на основной текстообразующий принцип, происходит ослабление роли сюжета. В повествовании варьируются описания *природных образов* и *описания переживаний*, которые, пронизывая повесть, образуют лирикопрозаический каркас и являются показателем движения при внешнем отсутствии сюжета. Писатель, обращаясь в своих прозаических произведениях к лирическим принципам, стремится субъективировать прозаический текст, вопреки происходящему утвердить изначальную самоценность жизни.

Перевод лирикопрозаических текстов А П Чехова требует приема лиризации, возникшего как художественно-стилистическое явление благодаря стремлению к сознательному воссозданию в сопоставляемом тексте авторских лирических элементов.

Главным элементом «денотативно-дискурсивного пространства» лирической прозы А П Чехова выступает *степь*. *Степь степь. Лошади бегут, солнце все выше, и кажется что тогда, в детстве, степь не бывала в июне такой богатой такой пышной, травы в цвету – зеленые, желтые, лиловые, белые, и от них и от нагретой земли идет аромат и какие-то странные синие птицы по дороге* (А П Чехов, «В родном углу»). Конечно, адекватное воссоздание такого рода картины возможно только при соблюдении всех модально-грамматических и когнитивно-дискурсивных «красок» авторского мировосприятия.

The steppe the steppe The horses trotted, the sun rose higher and higher and it seemed to Vera that never in her childhood had the steppe been so rich, so luxuriant in June, the wild flowers were green, yellow lilac white, and a fragrance rose from them and from the warmed earth, and there were strange blue birds along the roadside

В данном фрагменте текст сопоставления, правда, выходит за рамки модально-дискурсивной репрезентации авторского текста. Так, глагол *кажется* в оригинальном